

МУ́НДА ЯЗЫ́КИ

Авторы: Д. В. Сичинава

МУ́НДА ЯЗЫ́КИ (устар. – мундские языки, языки кол), ветвь [австроазиатских языков](#). Распространены гл. обр. на востоке Центр. Индии, в Бангладеш; небольшие группы говорящих (прежде всего на [сантали](#)) есть в Непале и Бутане, в диаспоре во всём мире. Общее число говорящих ок. 10,5 млн. чел. (нач. 21 в., оценка), причём св. 90% говорят на сев. М. я. (в осн. на [идиомах](#) кхервари).

Существует неск. вариантов классификации М. я. В наиболее широко принятой классификации Н. Зайда и Ж. Дифлота (оба – США) выделены северные мунда [язык [корку](#); группа малых языков/диалектов кхервари, в которую входят сантали, [мундари](#), бхумидж, асури, кода (кора), [хо](#), бирхор, тури, корва] и южные мунда [кхария-джуанг, или центральные мунда, включающие языки кхария и джуанг; корапутские мунда (распространённые в окружении языка [ория](#)), к которым относятся языки ремо-гутоб (гата, гта, ремо, гутоб) и сора-горум (сора, горум, джурай)].

Ранее в состав М. я. ошибочно включался язык [нахали](#). Выдвигалась не получившая развития гипотеза (И. М. [Дьяконова](#)) о родстве М. я. с [шумерским языком](#).

В большинстве М. я. стандартный пятифонемный [вокализм](#), в сантали 8 гласных [различаются 4 степени подъёма и есть фонема э (шва)], в сора – 7. В ряде языков также представлены носовые соответствия гласных звуков (не везде имеющие фонологич. статус). Долгота гласных, по-видимому, не является фонологич. признаком ни в одном из М. я. В горум имеется фонологически значимый «скрипучий» тип [фонации](#) (creaky voice). В сев. мунда действует ряд законов [сингармонизма](#). Для [консонантизма](#) характерны относительная слабость фонологич. противопоставлений «ретрофлексные – зубные» (в отличие от [дравидийских языков](#) и [индоарийских языков](#)), наличие ряда среднеязычных, в некоторых языках – также придыхательных (особенно в кхария). Фонологич. статус глоттализированных смычных, употребляющихся преим. в конце закрытого слога, дискусионен; эти согласные встречаются в языках и северной, и юж. ветви и представляют собой одну из ярких черт, отличающих М. я. от прочих языков Индостана.

Структура слога преим. «согласный+гласный» и «согласный+гласный+согласный». В большинстве языков запрещены стечения согласных в начале и конце слова при их допустимости в середине (напр., в сантали sendra 'охота'). Вершиной слога может быть носовой сонорный (напр., в кхария la-r^hŋ-ga 'пещера'). Корень обычно имеет или одно- или двусложный состав, более длинные корни в большинстве своём заимствованы.

В имени 3 числа – единственное, двойственное и множественное. Дв. ч. утрачено в некоторых юж. мунда; во многих языках число обязательно маркируется только у одуш. существительных. Имеется грамматич. категория одушевлённости. В некоторых языках под индоарийским влиянием сформировалась категория рода, активная лишь у части существительных; исторически [классы именные](#) для М. я. не характерны. Имя изменяется по падежам (во многих языках, напр. в сев. мунда, только по периферийным, а [субъект](#) и [объект](#) маркируются

лишь при глаголе). В ряде описаний М. я. показатели периферийных падежей трактуются как [последологи](#). Имеется показатель неотчуждаемого обладания (в сев. мунда – только для терминов родства). В юж. мунда есть архаичные, реконструируемые на австроазиатском уровне префиксальные падежи местоимений.

В предикативной функции прилагательные вербализируются (см. [Транспозиция](#)), кроме того, адъективные основы часто выступают в составе сложных слов. Существование прилагательного как особой части речи во многих М. я. ставится лингвистами под сомнение.

Для числительных характерна двадцатеричная система – такая же, как в совр. индоарийских языках.

Направление заимствования при этом неясно. Используются [классификаторы](#), выступающие с числительными.

В кхервари противопоставляются инклюзивные и эксклюзивные (см. [Инклюзив](#), [Эксклюзив](#)) местоимения 1-го лица мн. числа. Для морфологии глагола (особенно в сев. мунда) характерна взаимосвязь выражения (вплоть до кумуляции) переходности/залога и вида/ времени. Из залогов на уровне протомунда реконструируются реципрок (показатель -р-) и приставочный [каузатив](#) (показатель a[b]-), хорошо сохранившийся в юж. мунда; в сев. мунда развился бенефактив. Во многих языках пассив сближается с рефлексивом. В кхария и джуанг как показатель пассива грамматикализовался глагол jom 'есть, принимать пищу'. В горум имеется категория [версии](#), маркируемая при помощи фонации («скрипучего голоса»).

В сев. мунда есть особые ряды видовременных показателей для перех. и неперех. глаголов (напр., в сантали в перфективе – показатель -ke- у перех. глаголов и -e- у непереходных); при этом и в северных, и в юж. мунда имеется особый показатель непереходности -n-. Вторичные видо-временные показатели развиваются из конструкций со вспомогат. глаголом. Показатели буд. вр. – самостоят. инновация в разл. М. я. В глагольном словоизменении широко употребляется [редупликация](#) (ср. в мундари **dalako** 'они бьют' – хабитуалис **dadalako** 'они всё время дерутся', в корку **suban** 'сидеть' – каузатив **susuban** 'сажать'). Как в северных, так и в юж. мунда представлены показатели глагольной ориентации [напр., в сора -a/-e (удаление) – -ai/-au (приближение)]. В сев. мунда имеется особый показатель финитности.

В глагольной словоформе или в её ближайшем окружении при помощи суффиксов или [клитик](#) маркируются лицо и число прямого и косвенного дополнения, а в ряде языков – также подлежащего, посессора и/или бенефактивного адресата. Сев. мунда имеют спец. набор показателей для согласования с посессором, что типологически необычно.

Имеется неск. показателей отрицания для разл. глагольных форм, встречается т. н. двойное отрицание с частицами разного (корку) или одинакового (сора) происхождения. В некоторых языках в глагольной парадигме есть особый ряд отрицательных форм. При отрицании в некоторых юж. мунда прямой объект кодируется как косвенный.

В словообразовании широко распространены инфиксация (напр., в сантали **gaɟ** 'царь' > **garaj** 'царь со свитой', в мундари **dub** 'сидеть' > **dunub** 'заседание') и словосложение (глагольное во всех М. я., а также именное в южных).

[Порядок слов](#) «субъект+объект+предикат»; характерно левое ветвление (вершина следует за зависимым словом), косвенный объект предшествует прямому. В некоторых языках в синтаксисе сложноподчинённых предложений с относит. придаточным проявляется индоарийское влияние (конструкции типа 'Дом, который был у нас, тот дом'). В юж. мунда широко развита [инкорпорация](#) имени, в одних языках она носит продуктивный

характер, в других – лексикализированный (см. [Лексикализация](#)). Наиболее продуктивна инкорпорация в сора. В ряде языков имеются особые показатели коммуникативной выделенности (фокуса).

В лексике М. я. очень сильно индоарийское влияние. Заимствования из индоарийских языков затрагивают не только культурно-специфическую (в сантали *katag* ‘кузнец’, *bajar* ‘рынок’), но и базовую лексику (в сантали *din* ‘день’, *hat* ‘рука’). Дравидийское влияние на М. я. пока изучено мало, лучше всего оно заметно в корапутских мунда (заимствования из [телугу](#)). Ряд единиц культурной лексики заимствован из англ. языка (в корку *maṣar* ‘школьный учитель’).

Для разл. М. я. используются письменности на основе деванагари (см. [Индийское письмо](#)), ория, телугу, бенгальской, лат. графики; существуют также местные письменности (варанг-кшити, ол-чики, соранг-соппенг и др.).

Изучение М. я. началось с 1840-х гг. До сер. 20 в. оно было почти полностью сосредоточено на крупных языках, относящихся к сев. мунда, – сантали, мундари, хо; из юж. мунда исследовались кхария и сора. Особенно активно мундоведение развивается с 1900-х гг. Наиболее крупные авторы кон. 19 – 1-й пол. 20 вв. – христианские миссионеры: Л. О. Скрефсруд (грамматика сантали) и П. У. Боддинг (очерки в 2 тт. по грамматике сантали, 3-томное издание сказок, 5-томный словарь) (оба – Норвегия), И. Б. Хоффманн [Германия; грамматика мундари, «Энциклопедия мундари» («Encyclopaedia mundarica»; опубл. в 1930–38, 2-е изд. 1950)]. Подробное полевое исследование и описание малых языков, относящихся к юж. мунда, началось с 1950-х гг. [Х. Ю. Пиннов (Германия) и Н. Зайд, основавший целую школу мундоведения]. Ряд М. я. стал известен науке лишь в этот период, сбор материала не завершён. С 1960-х гг. развивается науч. компаративистика М. я. [Пиннов, Ю. К. Лекомцев (СССР)]. С 1970-х гг. на материал мунда обращают внимание типологи и исследователи языковых ареалов. В 1990–2010-е гг. число лингвистов, занимающихся М. я., растёт, в т. ч. и в самой Индии (развивается школа лингвистов-санталов, крупнейший из которых – Г. Мурму). В 2000-е гг. Г. Андерсон (США) опубликовал обобщающие труды «Глагол мунда» и «Языки мунда» (коллективная монография под его редакцией).

Литература

Лит.: Meillet A., Cohen M. Les langues du monde. P., 1952; Pinnow H.-J. A comparative study of the verb in the Munda languages. The Hague, 1966; Grierson G. A. Linguistic Survey of India. Delhi, 1967. Vol. 4: Munda and Dravidian languages; Zide N. H. Munda and non-Munda Austroasiatic languages // Current trends in linguistics / Ed. by T. Sebeok. The Hague, 1969. Vol. 5; Vermeer H. J. Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischer Sprachen. Hdlb., 1969; Masica C. Defining a linguistic area. Chi.; L., 1976; *Зозраф Г. А.* Языки Южной Азии. М., 1990; Hook P. The compound verb in Munda // Language Sciences. 1991. Vol. 13. № 2; Anderson G. A new classification of South Munda: Evidence from comparative verb morphology // Indian Linguistics. 2001. Vol. 62. № 1; idem. The Munda verb: typological perspectives. B.; N. Y., 2007; The Munda languages / Ed. by G. Anderson. L., 2008.